

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Митякин

Вольтер, как глава и тип французского неверия

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1895. № 1-2. С. 119-141.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Вольтеръ, какъ глава и типъ французскаго невѣрія.

ВЪ НОЯБРѢ минувшаго года исполнилось ровно двѣсти лѣтъ со времени рожденія личности, которая играла въ свое время необычайную роль въ исторіи умственнаго движенія и положила печать своего—увы—злого генія на цѣлый періодъ. Эта личность—Франсуа-Мари-Аруэтъ, впоследствии приобрѣтшая всемірную извѣстность подъ именемъ Вольтера. Можно считать однимъ изъ весьма благопріятныхъ знаменій новаго настроенія въ умственномъ движеніи чело-вѣчества то поразительное обстоятельство, что двухсотлѣтняя годовщина этого главы новѣйшаго невѣрія и раціонализма прошла совершенно незамѣченной и даже крайніе элементы отрицанія, обыкновенно хватающіеся за всякій поводъ къ тому, чтобы произвести шумъ и громъ въ пользу своихъ началъ, какъ будто совершенно измѣнили своей тактикѣ и—пропустили этотъ весьма важный для нихъ моментъ. Это странное явленіе могло бы во всякое другое время показаться необъяснимымъ; но оно становится совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе то, что годовщина рожденія французскаго невѣра совпала какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда взоры всего цивилизованнаго міра устремлены были совершенно въ другую сторону и умы и сердца его были заняты совершенно иными мыслями и чувствами. Двухсотлѣтіе его рожденія исполнилось ⁸/₂₀ ноября, — а это какъ разъ было въ тотъ моментъ, когда весь цивилизованный міръ, отбросивъ всѣ свои житейскіе и иные помыслы, проливалъ искреннія слезы надъ только-что закрывшейся могилой великаго Царя-Миротворца, величавый образъ котораго всецѣло овладѣлъ сознаниемъ чело-вѣчества. Рядомъ съ царственнымъ христіаниномъ, водворявшимъ миръ на землѣ и благоволеніе въ чело-вѣкахъ, не могло быть мѣста невѣру, вся жизнь котораго прошла въ издѣвательствѣхъ надъ христіанствомъ и разрушеніемъ всѣхъ сложившихся и освященныхъ вѣками

учрежденій общежитія. Такой моментъ весьма благопріятенъ для того, чтобы по достоинству оцѣнить личность послѣдняго. Если во всякое другое время либеральный лагерь, съ свойственнымъ ему деспотизмомъ мысли и слова, яростно обрушился бы на всякую попытку критически отнестись къ его кумиру, то теперь напротивъ, подавленный подъемомъ общественнаго сознанія въ роковомъ для него смыслѣ, онъ, конечно, не посмѣетъ прибѣгнуть къ обычному своему пріему застраиванія и попиранія непріятной для него истины. Вотъ почему мы считаемъ неизлишнимъ сдѣлать характеристику Вольтера, какъ главы и родоначальника новѣйшаго невѣрія и раціонализма. Характеристика дастъ образъ, въ которомъ легко могутъ узнать своего прямого родоначальника многіе даже изъ тѣхъ представителей новѣйшаго раціонализма, которые вовсе не желали бы стоять въ подобномъ родствѣ ¹⁾).

Вольтеръ родился въ Парижѣ ^{8/20} ноября 1694 года и умеръ въ томъ же городѣ ^{18/30} мая 1778 года. Въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ онъ былъ идоломъ своего вѣка и всѣ такъ называемые передовые люди преклонялись предъ его геніемъ, хотя большую часть своей жизни онъ посвятилъ на то, чтобы клеветать на христіанство и издѣваться надъ свящ. книгами. Будучи главой и, такъ сказать, оракуломъ вольнодумцевъ своего вѣка, онъ сдѣлался предметомъ восторга и для невѣровъ новѣйшаго времени, которые справедливо видѣли въ немъ типъ невѣра и раціоналиста, давшего тонъ и направленіе всему послѣдующему отрицательному движенію. Вольтеръ, по отзыву Давида Штрауса, былъ не только воплощеніемъ французскаго генія, но и воплощеніемъ всей своей эпохи, писателемъ XVIII-го вѣка по преимуществу, его живымъ олицетвореніемъ. „Германія во главѣ съ Лютеромъ сдѣлала великое дѣло въ XVI вѣкѣ, Голландія и Англія,

¹⁾ Литература о Вольтерѣ громадна и она съ достаточною полнотою, хотя и односторонне, приведена въ концѣ статьи «Вольтеръ» въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона. Жизнь его нашла себѣ подробное изложеніе и въ издаваемой Павленковымъ Библіотекѣ «Жизнь замѣчательныхъ людей», гдѣ она освѣщена съ свойственной всему этому изданію либеральной точки зрѣнія. Предлагаемая характеристика составлена главнымъ образомъ на основаніи сочиненія извѣстнаго французскаго библеиста *F. Vigouroux*, *Les Livres saintes et la critique rationaliste*, 2 ed. Paris 1886 г. См. Vol. II, pp. 212 и сл.

въ концѣ XVII вѣка, когда Германія раздиралась внутренними неурядицами, заложили основы раціонализма; Вольтеръ собралъ въ Англіи искорки новаго свѣта, принесъ ихъ во Францію и тамъ своими усиліями зажегъ этотъ свѣтъ съ такимъ блескомъ, что онъ озарилъ весь его вѣкъ и всю вселенную. Если французы, и парижане въ особенности, были народомъ, избраннымъ для установленія новаго культа разума, то Вольтеръ безспорно былъ его первосвященникомъ¹⁾. И этотъ отзывъ совершенно вѣренъ. Вольтеръ дѣйствительно былъ великимъ насадителемъ и распространителемъ раціонализма въ новѣйшей Европѣ. Это былъ злой геній прошлаго вѣка, на который онъ наложилъ печать своего духа, вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ воплотивъ въ себѣ всѣ его недостатки и пороки, подъ тяжестью которыхъ гибли и не чуждыя ему добрыя начинанія.

Будучи вполне сыномъ своего вѣка, Вольтеръ и родился и воспитывался въ такой средѣ, которая съ самыхъ первыхъ моментовъ пробужденія въ немъ сознанія отравила его душу ядомъ легкомыслія, скептицизма и безнравственности. Домъ его отца, нотариуса, былъ маленькой копіей большихъ салоновъ тогдашняго времени. Въ немъ не было аристократическаго, великосвѣтскаго богатства и блеска, но было все, что способно нравственно растлѣвать душу ребенка. Мать его изображала изъ себя великосвѣтскую барыню съ неизбѣжными поклонниками, и среди нихъ особенно выдавался аббатъ Шатонефъ, печальный типъ тогдашняго распущеннаго французскаго духовенства. Этотъ аббатъ къ несчастью былъ крестнымъ отцомъ сына дамы своего сердца и онъ-то первый и насадилъ въ своемъ крестникѣ сѣмена невѣрія и богохульства. Если прибавить къ этому, что крестной его матерью была извѣстная въ свое время куртизанка Нинона-де-Ланкло, пріятельница того же аббата, то среда, въ которой суждено было воспитаться Вольтеру, обрисовывается съ достаточною ясностью. Все это окружавшее его въ дѣтствѣ общество любило блистать двусмысленнымъ остроуміемъ, далеко нецѣломудреннаго свойства, съ наслажденіемъ читало плоды запрещенной музы и неудивительно, что маленькій Вольтеръ, будучи трехъ-четырехъ лѣтъ, уже лепеталъ куплеты модной непечатной пески, скрывавшей въ себѣ непонятныя для него гнусности²⁾,

¹⁾ D. Strauss, Voltaire I, 4 (Leipzig 1870).

²⁾ Эта поэма подъ назв. Moisade, сочиненіе нѣкоего Лурфѣ, была одвою

а семи лѣтъ уже и самъ началъ составлять стишки—конечно по заданному уже тону.

Въ судьбѣ мальчика произошла значительная перемѣна, когда по смерти матери онъ отданъ былъ въ школу, и именно въ коллегію оо. іезуитовъ, въ Клермонъ. Это была для него совершенно новая среда. Тутъ не было уже прежней распушенности и напротивъ все двигалось по строго-религіозному режиму. Мальчики подъ руководствомъ опытныхъ патеровъ приучались къ неуклонному исполненію предписанныхъ религіозно-нравственныхъ правилъ, которыми іезуиты, какъ никто еще, умѣютъ опутывать душу человѣческую. Но какъ бы ни была строго выработана извѣстная воспитательная система, она тогда только можетъ вполне оказывать свое дѣйствіе, когда находитъ для себя болѣе или менѣе подготовленную или воспримчивую почву. Такой почвы совсѣмъ не представлялъ юный Вольтеръ. Вся эта система была для него дика и его испорченная уже распушенностью натура не могла мириться съ подобными стѣсненіями. Поэтому Вольтеръ скоро сдѣлался источникомъ всякихъ неприятностей для коллегіи, и не было ни одной такой шалости, въ которой бы не участвовалъ этотъ *petit diable* (маленькій дьяволенокъ), какъ нерѣдко вырывалось съ устъ почтенныхъ патеровъ это вполне подходящее въ нему названіе ¹⁾). Выведенный однажды изъ терпѣнія выходками и остротами „дьяволенка“, почтенный патеръ Ле-Джей вполне серьезно воскликнулъ ему: „Несчастный! ты будешь когда нибудь насадителемъ деизма во Франціи“ ²⁾). Это невольное предсказаніе имѣло тѣмъ болѣе возможности для своего осуществленія, что капикулярное время Вольтеръ обыкновенно проводилъ у своего

изъ первыхъ выходовъ тогдашняго невѣрія противъ богооткровенной религіи и выставляла Моисея обманщикомъ. Всю эту поэму трехлѣтній Вольтеръ подъ руководствомъ своего крестнаго отца выучилъ наизусть и картавымъ декламированіемъ ея приводилъ въ неописанный восторгъ весь этотъ «салонъ».

¹⁾ Рвзвая шаловливость и проказничество ребенка отнюдь еще не есть признакъ испорченной, преступной натуры. Напротивъ извѣстны случаи, когда изъ шаловливыхъ дѣтей-проказниковъ выходила потомъ глубоко-серьезные люди и даже подвижники (см. напр. въ Душепол. чтеніи 1894 г. статью: «Сенюшка и Егорушка», гдѣ картинно изображаются проказничества шаловливаго Егорушки, изъ котораго впоследствии вышелъ знаменитый подвижникъ преосв. Теофанъ. Но у Вольтера уже въ дѣтскихъ шалостяхъ замѣтенъ былъ злой, преступный элементъ, очевидно привитый къ готовой почвѣ его сомнительной въ нравственномъ отношеніи средой.

²⁾ *Duvernet, Vie de Voltaire p. 16.*

сердобольнаго крестнаго отца, аббата Шатонефа, который поддерживалъ и развивалъ въ мальчикѣ уже ранѣе посѣянные въ немъ сѣмена своеволія и нравственной распущенности и вводилъ его въ кругъ своихъ знакомыхъ, гдѣ остроумный мальчуганъ былъ своего рода баловнемъ, особенно старѣвшей уже куртизанки Ниноны. Послѣдняя настолько увлеклась бойкимъ и остроумнымъ мальчуганомъ, что умирая завѣщала ему 2,000 франковъ на ениги. Всякій разъ по возвращеніи въ коллегію, Вольтеръ становился все болѣе ценнымъ для почтенныхъ патеровъ, и становясь во главѣ наиболѣе отчаянныхъ сорви-головъ, былъ истиннымъ бичемъ для своихъ воспитателей, которые не знали, гдѣ искать себѣ спасенія отъ его неистощимаго остроумія, становившагося тѣмъ болѣе ѣдкимъ, что часто касалось тонко подмѣчавшихся злоязычнымъ острякомъ чертъ лицемѣрія и напускнаго благочестія почтенныхъ патеровъ.

Изъ коллегіи Вольтеръ вышелъ шестнадцатилѣтнимъ мальчишкой и сначала не зналъ, что съ собой дѣлать. Правильная государственная служба была ему не по душѣ, потому что онъ не терпѣлъ никакой дисциплины или подчиненія. Поэтому онъ предпочелъ посвятить себя призванію свободнаго писателя, полагая, что его писательскій талантъ можетъ дать ему достаточное обезпеченіе. И онъ не ошибся. Тогдашнее общество, внутри котораго влокотали неудовлетворенныя страсти, искало себѣ пророка, который бы явился глашатаемъ и выразителемъ этихъ страстей. Вольтеръ и по своей натурѣ, и всѣмъ своимъ воспитаніемъ былъ вполне приготовленъ къ этой роли, и по выходѣ изъ коллегіи, сбросивъ съ себя всѣ послѣднія узы искусственно прививавшагося къ нему схоластицизма, онъ открыто выступилъ въ качествѣ „свободнаго мыслителя“. Это было въ 1722 году, когда онъ, будучи уже 26 лѣтъ, выступилъ съ своимъ первымъ явно противорелигиознымъ сочиненіемъ. Въ это время онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоей мадамъ Руппельмондъ, одной изъ тѣхъ „вольнодумокъ“, которыми кишѣло тогдашнее общество и у которыхъ вольныя мысли шли рука объ руку съ „вольными дѣлами“. Такого рода люди въ сущности были крайне несчастны. Порвавъ всякую связь съ прежнимъ и не выработавъ себѣ никакого устойчиваго міросозерцанія, они колебались между невѣріемъ и суевѣріемъ, между самонадѣянностью и отчаяніемъ, а поэтому и самая жизнь ихъ прохо-

дила въ рѣзкихъ контрастахъ между дикимъ разгуломъ и самымъ жалкимъ униженіемъ. Такимъ именно характеромъ отличалась мадамъ Руппельмондъ, и Вольтеръ, видя ея духовную беспомощность, порѣшилъ написать для ея успокоенія особое сочиненіе, которому онъ далъ характерное названіе: „За и Противъ“ (*Le Pour et le Contre*). Въ немъ онъ въ двухъ параллельныхъ таблицахъ излагаетъ всѣ доступные ему доводы *за* и *противъ* христіанства, причемъ *противъ* видимо беретъ перевѣсъ надъ *за*, такъ что защита христіанства цѣпляется уже за весьма сомнительные доводы, въ родѣ того, что „если даже Христосъ на обманѣ основалъ свое ученіе, то все-таки оно такъ хорошо, что счастливы тѣ, которые обмануты имъ“¹⁾. Сочиненіе это, распространявшееся сначала въ рукописи, было затѣмъ, хотя не ранѣе 1732 года, напечатано. Какъ и естественно, этотъ пасквиль вызвалъ цѣлую бурю, и автору его угрожала большая неприятность. Но Вольтеръ съ легкимъ сердцемъ, вполне свойственнымъ его натурѣ, отрезся отъ этого сочиненія и приписалъ его перу умершаго аббата Шольё. Раньше еще этого впрочемъ съ нимъ случилось событіе, которое глубоко повліяло на всю его послѣдующую жизнь, именно его невольная поѣздка въ Англію.

Еще до изданія своего антихристіанскаго памфлета, Вольтеръ своими явно тенденціозными трагедіями и поэмами, въ которыхъ сквозило обличеніе и издѣвательство надъ современными политическими дѣлами, настолько успѣлъ раздражить правительство, что оно не разъ заключало его въ Бастилію, и чтобы хотя на время избавиться отъ этого неповойнаго вольнодумца, выпустило его изъ Бастиліи подъ условіемъ выѣзда въ Англію. Онъ дѣйствительно отправился туда, и почти трехлѣтнее его пребываніе тамъ имѣло на него рѣшающее значеніе, навсегда опредѣлившее все направленіе его мысли и жизни. „Прежде чѣмъ познакомиться съ Англійей и Ліономъ, говорить по этому поводу Кузэнъ, онъ былъ просто Вольтеромъ, и XVIII вѣкъ еще искалъ себѣ выразителя... Удаляясь въ Англію, Вольтеръ былъ лишь недовольнымъ поэтомъ; Англія же возвратила его философомъ“²⁾. И это совершенно вѣрно. Когда Вольтеръ высаживался на берега Англіи, ему было 32 года. Все направленіе его духа, всѣ его

1) *U. Maynard*, *Voltaire*, t. I, p. 110.

2) *V. Cousin*, *Hist. gener. de la philosophie*, 1863, p. 526—27.

недостатки и пороки уже явно наклоняли его къ невѣрію и онъ уже былъ невѣромъ и отрицателемъ, жадно ловившимъ все, въ чемъ только можно было найти опору для отрицанія религіи; но это направленіе въ немъ окончательно утвердилось именно въ Англии. Въ это время пресловутый англійскій деизмъ находился на вершинѣ своего процвѣтанія. Англійскіе лорды, наскучивъ бездушнымъ формализмомъ англиканской церкви, не знавшей, куда ей больше сълоняться—къ крайнему ли протестантизму, или панизму, и потому изнывавшей отъ внутреннихъ противорѣчій, ударились въ то вольномысліе, которое и получило названіе деизма, какъ таковой системы, которая, не отрицая вполнѣ бытія Божія, считала его однако настолькоъ непостижимымъ, что между Богомъ и человѣкомъ не могло быть никакого соприкосновенія и соотношенія. Такая идея, порывая всякую связь съ Божествомъ, тѣмъ самымъ приводила въ отрицанію бож. Откровенія, и потому однимъ изъ плодовъ деизма было именно зарожденіе отрицательнаго отношенія къ Библии. Какъ разъ во время прибытія Вольтера въ Англию, тамъ въ полномъ разгарѣ былъ споръ, поднятый однимъ изъ деистовъ, Коллинзомъ, касательно ветхозавѣтныхъ пророчествъ, а затѣмъ чрезъ нѣсколько времени другой деистъ Вульстонъ издалъ шесть трактатовъ въ опроверженіе чудесъ І. Христа. Конечно, это движеніе деизма ограничивалось лишь небольшимъ кругомъ аристократическихъ лордовъ, которые кичились званіемъ „вольныхъ мыслителей“, а вообще англійскій народъ отличался свойственнымъ ему благочестіемъ и преданностью церкви. Но Вольтеръ конечно, по самому сродству своего духа, примкнулъ къ этому именно кружку, въ которомъ онъ увидѣлъ воплощеніе истинно англійскаго свободнаго духа. Онъ съ жадностью пожиралъ творенія деистовъ, съ которыми онъ уже и раньше знакомъ былъ чрезъ посредство одного изъ самыхъ крайнихъ представителей этой школы, именно лорда Болинброка. Оказавшись теперь въ самомъ кругу деистовъ, Вольтеръ конечно рукоплескалъ Коллинзу, когда онъ доказывалъ, что ветхозавѣтныя пророчества нисколько не служатъ доказательствомъ истины христіанства, а Вульстонъ утверждалъ, что всѣ чудеса, о которыхъ разсказывается въ евангеліяхъ, включая и самое воскресеніе Іисуса Христа, суть не что иное какъ аллегорія и слѣдовательно не могутъ служить доказательствомъ божественнаго происхожденія христіанской

религии. Во Франціи Вольтеръ, хотя самъ уже и вольнодумствовавшій въ волю, отъ другихъ еще ничего подобнаго не слышалъ, и былъ очарованъ этими разсужденіями. Онъ съ жадностью набросился на сочиненія деистовъ вообще какъ на богатую добычу или върнѣе неистощаемый рудникъ, изъ котораго можно извлекать доводы противъ христіанства. вмѣстѣ съ тѣмъ съ нечуждою ему проникательностью онъ сталъ доискиваться тѣхъ философскихъ основъ, на которыхъ покоилось все движеніе, и нашелъ его въ философскихъ сочиненіяхъ Локка, которыя и сталъ тщательно изучать, конечно истолковывая ихъ уже съ своей предзанятою точки зрѣнія. Все это до такой степени вскружило ему голову, что онъ одно время ходилъ какъ помѣшанный, возбуждая противъ себя насмѣшки уличной толпы. Когда однажды уличная толпа, узнавъ въ немъ тщедушнаго француза, стала особенно грубо издѣваться надъ нимъ, Вольтеръ, обращаясь къ насмѣшникамъ, восторженно воскликнулъ: „Доблестные ангичане! ужели я еще не достаточно несчастенъ тѣмъ, что не родился среди васъ“¹⁾? Изъ деистовъ особенно глубокое вліяніе на него оказалъ его старый знакомый лордъ Болинброкъ, этотъ велико-свѣтскій невѣръ, который ко всякой религии относился съ пренебреженіемъ какъ жалкому произведенію темнаго суевѣрія или обмана и изощрялся въ злобныхъ издѣвательствахъ надъ христіанствомъ. Въ немъ именно Вольтеръ нашелъ себѣ второе я и, чувствуя внутреннее сродство съ нимъ, навсегда привязался къ нему, сдѣлался панегиристомъ его въ своихъ сочиненіяхъ и свои выходы противъ Библии заимствовалъ главнымъ образомъ у своего англійскаго друга. Такимъ образомъ, въ Англии именно Вольтеръ окончательно пропитался духомъ невѣрія, который онъ не преминулъ перенести и во Францію, куда онъ уже возвратился вполне убѣжденнымъ деистомъ, причемъ деизмъ въ его легкомысленной головѣ весьма легко переходилъ въ полный атеизмъ. По крайней мѣрѣ съ этого времени онъ сдѣлался такимъ отчаяннымъ отрицателемъ и поносителемъ Библии и христіанства, что далеко оставилъ за собою своихъ англійскихъ друзей. Свои впечатлѣнія о пребываніи въ Англии онъ изложилъ въ изданныхъ имъ въ 1734 году „Письмахъ объ англичанахъ“ или „Философскихъ письмахъ“, и въ нихъ такъ развязно и от-

¹⁾ D. Strauss, Voltaire, II, стр. 49—50.

кровенно изложилъ свои идеи какъ въ отношеніи религіи, такъ и государства, что правительство подвергло это сочиненіе конфискаціи и публично предало его сожженію рукою палача, а самому автору грозило непріятное водвореніе въ Бастили, отъ которой онъ избавился только заблаговременнымъ бѣгствомъ. Убѣжище себѣ онъ нашель у нѣкоей маркизы, мадамъ Шатлѣ, и пребываніе у ней опять оставило важный слѣдъ въ полной приключеній жизни французскаго невѣра.

У своей новой подруги въ Сиреѣ Вольтеръ прожилъ 15 лѣтъ (1733—1749) и за это время онъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ антирелигіозномъ настроеніи. Мадамъ Шатлѣ была женщиной безъ всякой вѣры и даже стыда, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ принимала на себя роль руководительницы общества, подобно другимъ эманципированнымъ женщинамъ того времени. Въ 1739 году она издала свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Сомнѣнія касательно откровенныхъ религій“, которое прямо направлено было противъ христіанства и въ опроверженіе библейскихъ чудесъ ¹⁾. Нѣсколько позже она издала еще трактатъ о „счастьѣ“, и въ немъ о нравственныхъ принципахъ автора съ достаточностью можетъ свидѣтельствовать слѣдующее мѣсто: „чтобы быть счастливымъ, говорить она, нужно покончить съ предразсудками (т. е. со всякой вѣрой). Нужно начать съ того, чтобы откровенно сказать себѣ и хорошо убѣдиться въ томъ, что намъ нѣтъ надобности дѣлать въ этомъ мірѣ что-либо другое, какъ стремиться къ достиженію пріятныхъ ощущеній и чувствъ“ ²⁾. Очевидно изъ этого, что Вольтеръ находился въ хорошей школѣ, вполне впрочемъ соответствующей его собственнымъ взглядамъ и вкусамъ. Они какъ будто нарочито созданы были другъ для друга. Съ одинаковымъ отвращеніемъ относясь къ христіанству, чувствуя одинаковую вражду къ истинамъ св. Писанія, одинаково отличаясь отсутствіемъ нравственнаго смысла, они вмѣстѣ съ тѣмъ отличались и одинаковою научно или литературною жаждою, которую и удовлетворяли изъ разныхъ сомнительныхъ источниковъ, черпая отовсюду всевозможные доводы и возраженія противъ Библии. Въ это время Вольтеръ вообще чувствовалъ себя такъ хорошо, что въ одной своей, написанной около этого времени, поэмѣ онъ прямо говорить,

¹⁾ Парижское изданіе 1792 г.

²⁾ Изданіе 1806 г. р. 338.

что „рай земной тамъ, гдѣ онъ (Вольтеръ) находится теперь“ ¹⁾, а вовсе не въ Эдемѣ, который онъ изобразилъ въ самыхъ гнусныхъ чертахъ, играя грязными по своей безнравственности стихами на счетъ невиннаго пребыванія Адама и Евы въ раю. Эта поэма заставила его на время даже спастись бѣгствомъ въ Голландію, но возвратившись оттуда, онъ опять предался блаженству въ своемъ „земномъ раю“. Каждое утро во время завтрака они читали по главѣ изъ Библии, при чемъ каждый дѣлалъ свои замѣчанія по поводу прочитаннаго. Замѣчанія заносились въ тетрадки, изъ которыхъ тетрадка самого Вольтера послужила для него впоследствии зерномъ для составленія сочиненія подъ заглавіемъ: „Объясненная наконецъ Библия“ ²⁾, изданная уже только въ 1776 году. Въ обществѣ мадамъ Шатлѣ Вольтеръ написалъ и значительную часть своего главнаго историческаго сочиненія: „Опытъ о нравахъ народовъ“.

Земной рай для Вольтера измѣнился со смертью маркизы въ 1750 году, и онъ послѣ не совсѣмъ удачной попытки пристроиться при дворѣ по протекціи мадамъ Помпадуръ, воспользовавшись заочнымъ знакомствомъ съ извѣстнымъ царственнымъ вольнодумцемъ своего времени, прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, отправился къ его двору. Тутъ встрѣтились два вольнодумца, изъ которыхъ одинъ рассчитывалъ найти поддержку и подкрѣпленіе въ своихъ воззрѣніяхъ въ другомъ, и дѣйствительно сначала между ними установилась замѣчательная дружба, и на знаменитыхъ ужинахъ прусскаго короля Вольтеръ имѣлъ полную возможность во всемъ блескѣ выставить свое скептическое остроуміе, поощряемое притомъ назначеннымъ ему отъ короля жалованьемъ въ 20 тысячъ франковъ. Но тѣмъ не менѣе дружба оказалась непрочною. Какъ въ древнемъ Римѣ два авгура не могли безъ улыбки смотрѣть другъ на друга, торжественно совершая религиозные обряды, въ которые они уже нисколько не вѣрили, такъ нѣчто подобное случилось и съ этими двумя знаменитыми вольнодумцами своего времени. Какъ бы ни далеко пошелъ извѣстный чело-
вѣкъ по пути отрицанія и невѣрія, у него всегда остается въ душѣ извѣстный непріятный осадокъ неувѣренности въ истинѣ своего отрицанія, а потому всякій вольнодумецъ и невѣръ въ дѣйствительности ищетъ себѣ поддержки и под-

1) Oeuvres, ed. Houssiaux-Didot, Paris, 1852—1862, t. II, 717.

2) La Bible enfin expliquée, 1776.

крѣпленія въ другикъ, предполагая, что эти другіе вольнодумцы имѣютъ какія нибудь болѣе неопровержимыя основы для своего невѣрія. Такъ несомнѣнно было и съ Фридрихомъ. Его грубая, деспотическая натура, все отвергавшая съ высокоуміемъ и самонадѣянностью прусака, однако не могла вполне подавить въ себѣ червя сомнѣнія въ основательности своего скептицизма и потому онъ невольно искалъ себѣ опоры въ другикъ, для чего и собиралъ вокругъ себя самыхъ передовыхъ вольнодумцевъ своего времени. Въ Вольтерѣ онъ видѣлъ гениальнѣйшаго представителя вольнодумства и потому, приглашая его къ себѣ, былъ увѣренъ, что если кто, то именно Вольтеръ въ состояніи окончательно подавить въ немъ червя сомнѣнія въ истинѣ своего невѣрія. Но тѣмъ сильнѣе было его разочарованіе, когда онъ въ этомъ знаменитомъ Вольтерѣ увидѣлъ лишь болтливаго остролова, который, правда, могъ развлекать и забавлять общество и подчищать слогъ довольно шероховатыхъ стиховъ самого короля, но далеко не былъ тѣмъ философствующимъ мыслителемъ, каждое слово котораго могло бы служить откровеніемъ. Поэтому даже остроуміе Вольтера скоро прискучило Фридриху, хотя оно обыкновенно приправлялось самою низкопоклонною лестью, и между этими двумя вольнодумцами, убѣдившимися во взаимной пустотѣ, такъ же не могло установиться никакихъ серьезныхъ отношеній, какъ и между римскими авгурами, вполне убѣдившимися во взаимной религіозной пустотѣ. Дружба между ними охладѣла ¹⁾, и Вольтеръ наконецъ принужденъ былъ тайно бѣжать изъ Берлина (1754 г.), опасаясь, какъ бы царственный другъ не причинилъ ему какихъ либо совсѣмъ недружескихъ неприяностей.

Но куда дѣваться теперь?—Побродивъ по разнымъ мѣстамъ, Вольтеръ надумалъ наконецъ поселиться временно въ аббатствѣ Сенонъ, на что выпросилъ позволеніе у аббата Кальмета, знаменитаго комментатора Библии. „Я предпочитаю, писалъ ему Вольтеръ въ своемъ обычномъ льстивомъ тонѣ, отшельничество двору, великихъ мужей—царямъ. Мнѣ

¹⁾ Прямая натура прусскаго короля была особенно возмущена тѣмъ, что «прославленный философъ» Вольтеръ предался алчной денежной спекуляціи и опояривалъ свое имя грязной тяжбой съ однимъ берлинскимъ евреемъ-ростовщикомъ. Хотя дѣло выигралъ Вольтеръ, но этимъ онъ совершенно уронилъ себя въ глазахъ двора и берлинскаго общества, гдѣ ядовито говорили, что французскій философъ перехитрилъ нѣмецкаго жида.

бы очень хотѣлось провести нѣсколько недѣль съ вами и съ вашими иноками. Я хотѣлъ бы поучиться у того, на чьихъ книгахъ я воспитался, и почерпнуть изъ самаго источника. Прошу васъ о позволеніи. Я сдѣлаюсь однимъ изъ вашихъ инокѡвъ. Это будетъ Павелъ, который навѣститъ Антонія“¹⁾). Кальметъ принялъ его весьма ласково, и предоставилъ ему всѣ удобства, которыми Вольтеръ и пользовался въ монастырѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Оставивъ затѣмъ аббатство и переѣхавъ въ Пломбьеръ, Вольтеръ вновь писалъ своему гостепріимному аббату: „Я нашель у васъ больше подрѣпленія для своей души, чѣмъ въ Пломбьерѣ нахожу для своего тѣла. Ваши труды и ваша бібліотека доставили мнѣ больше пользы, чѣмъ воды пломбьерскія“²⁾). Какъ же Вольтеръ проводилъ жизнь въ монастырѣ, повидимому столько несвойственномъ для его натуры мѣстѣ? Надо только удивляться гибкости и изворотливости этой личности. Въ монастырѣ онъ дѣйствительно почти превратился въ монаха: спокойно и усердно читалъ творенія святыхъ отцовъ и дѣянія соборовъ, изучалъ старинныя лѣтописи и записки, восторгался и назидался проповѣдями Массильона и другихъ церковныхъ ораторовъ, и вообще набрался тамъ, какъ онъ выражался впоследствии, такой необъятной учености, что она наподобіе горы давила ему его немощныя плечи. Можно бы дѣйствительно удивляться этой усидчивости Вольтера надъ изученіемъ богословія, но она станетъ нисколько неудивительной, если обнаружится тайная цѣль всего этого подвига. Это былъ лишь ловкій маневръ, какъ выражался потомъ самъ Вольтеръ, изучить слабую сторону противника и такъ сказать овладѣть его собственнымъ оружіемъ. Всю эту богословскую и церковную литературу онъ изучалъ исключительно для того только, чтобы усилить арсеналь своихъ противобиблейскихъ и противохристіанскихъ возраженій. Въ знаменитыхъ комментаріяхъ Кальмета онъ списалъ всѣ приводимыя тамъ возраженія противъ истинъ св. Писанія, оставивъ безъ вниманія всѣ выставляемыя противъ нихъ опроверженія, и этими возраженіями онъ потомъ преимущественно и щеголялъ предъ непосвященнымъ въ тайны богословской науки обществомъ. Этотъ въ сущности безчестный маневръ удался ему вполне, а ученый, но простодушный аббатъ Кальметъ даже серьезно вѣрилъ, что

¹⁾ Oeuvres, t. XI, p. 499 – 500.

²⁾ Тамъ же XI, 692.

ему удалось „обратить къ вѣрѣ самаго рѣшительнаго деиства въ Европѣ“¹⁾.

Оставя аббатство, Вольтеръ порѣшилъ наконецъ обзавестись осѣдлостью и, имѣя крупныя сбереженія, сдѣланныя имъ въ Берлинѣ при дворѣ короля Фридриха, купилъ себѣ неподалеку отъ Женевы красивое имѣнiице—Ферней (1758 г.). Тамъ онъ, сдѣлавшись большимъ аристократомъ, владѣльцемъ замка, могъ вполне наслаждаться досугомъ, и этотъ досугъ онъ всецѣло употребилъ на разработку своихъ противорелигіозныхъ идей. Съ этого именно времени начинается его систематическій походъ противъ св. Писанія и является цѣлый рядъ направленныхъ противъ него сочиненій и памфлетовъ, начавшійся „Сокращеннымъ изложеніемъ Екклесіаста“ и „Пѣсни пѣсней“ (1759) и кончая „Исторіей установленія христіанства“ (1777). Только смерть могла преградить уста этимъ богохульствамъ его на Библию и христіанство²⁾. Онъ нападалъ на нихъ и въ стихахъ, и въ прозѣ. Въ 1759 году онъ издалъ стихотворное переложеніе сокращеннаго изложенія Екклесіаста, предназначая его для одной „почтенной личности“, просившей его дать ей перифразъ какой нибудь ветхозавѣтной книги, и такъ какъ этой почтенной личностью была

¹⁾ *Maunard*, Voltaire, 1867, t. II, p. 195—196. Нелишне отмѣтить еще одну черту Вольтера. При жизни Кальмета, онъ всегда отзывался о немъ съ почтеніемъ, какъ объ ученомъ, серьезномъ человѣкѣ науки, а по смерти его безъ всякаго смущенія называлъ его «идиотомъ» (*imbécile*). *Oeuvres*, t. X, p. 639.

²⁾ Вотъ рядъ его наиболѣе явѣстныхъ сочиненій этого рода за данный періодъ: 1) *Precis de l'Ecclesiaste et du Cantique des cantiques* (1759); 2) *Les Dialogues chretiens* и *Fragment d'une lettre de lord Bolingbroke* (1760); 3) *La lettre de M. Clopicre à M. Eratou, Le Sermon d'un Rabbin Akib, L'Extrait des sentiments de Jean Meslier* (1761 г.); 4) *Le Sermon des cinquante*, гдѣ христіанство подвергнуто болѣе яростному нападенію, чѣмъ раньше (1762); 5) *Catéchisme de l'honnête homme ou Dialogue entre un caloyer et un homme de bien* (1763); 6) *Le Dictionnaire philosophique* (1764); 7) *Les Questions sur les miracles* (1765); 8) *Questions de Zapata, L'Examen de lord Bolingbroke, Les quatre Homelies prêchées à Londres* и пр. (1767); 9) *La Profession de foi des theistes, L'Homelie du pasteur Bourn* (1768); 10) *La Collection des Evangiles*, окончаніе «Опыта о правахъ» (1769); 11) *Les Questions sur l'Encyclopedie* (1770—1772); 12) *Les Systemes* (1772); 13) *La Bible enfin expliquée, Un Chretien contre six juifs* (1776); 14) *L'Histoire de l'établissement du christianisme* (1777). Въ этихъ сочиненіяхъ, выходявшихъ быстро одно за другимъ, Вольтеръ истощилъ весь запасъ своего арсенала, направленнаго противъ Библии и христіанской религіи, и этотъ арсеналъ доселѣ служить главнымъ источникомъ, откуда черпаютъ вдохновеніе невѣры до новѣйшаго времени.

никто иная, какъ знаменитая въ своемъ родѣ мадамъ Помпадуръ, находившаяся до своего возвышенія при дворѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ самимъ авторомъ, то конечно переложеніе сдѣлано было во вкусѣ этой именно личности. Ей же онъ предложилъ свое переложеніе „Пѣсни пѣсней“ подъ заглавіемъ „Диалогъ между Хатономъ и Суламитой“. О достоинствѣ этихъ произведеній можно судить уже потому, что оба они были публично сожжены по приказанію парламента, такъ какъ вольности въ нихъ доходили до невозможныхъ гнусностей. Въ томъ же родѣ онъ пародировалъ псалмы, передѣлывая ихъ въ игривыя марши и шансонетки¹⁾. Но весь ядъ своего невѣрія онъ излилъ въ своемъ сочиненіи „Наконецъ истолкованная Библия“, явившемся въ свѣтъ впрочемъ только за два года до его смерти. Это въ полномъ смыслѣ клоака всякихъ гнусностей и нелѣпостей, которыя только могъ невѣрующій и рабски предубѣжденный умъ собрать и измыслить противъ божеств. Откровенія. И замѣчательно, что по мѣрѣ возрастанія старости въ немъ усиливалась ненависть къ христіанству. Чѣмъ болѣе онъ клеветалъ на него, тѣмъ болѣе проникался ненавистью къ нему и тѣмъ сильнѣе преслѣдовалъ его своими ядовитыми сарказмами. Будучи уже 66 лѣтъ отъ роду, въ 1760 году, онъ даже пересталъ называть христіанство его собственнымъ именемъ и придумалъ для него самое оскорбительное названіе—„гадости“ *l'infame*. Съ безумною яростью уже отживающаго старика онъ дерзко объявлялъ себя врагомъ самого Спасителя міра и всячески издѣвался надъ нимъ. „Какъ мнѣ хотѣлось бы, писалъ онъ Д'Аламберу, чтобы вы истребили эту гадость“. Въ томъ же 1760 году онъ писалъ графинѣ Д'Аржанталъ: „Мое отвращеніе къ этой гадости все возрастаетъ и усиливается“, а въ слѣдующемъ году въ письмѣ къ той же графинѣ говорилъ: „Чѣмъ болѣе я старѣю, тѣмъ становлюсь ожесточеннѣе“. И дѣйствительно, онъ все больше ожесточался противъ христіанства, и въ 1761 году, въ своей перепискѣ съ Дамилявиллемъ, только и трактовалъ о томъ, какъ бы „истребить эту гадость“ и самыя письма подписывалъ сокращенными словами своей яростно безумной фразы „Esc. l'inf.“ — „Истр. гад.“²⁾. Въ 1764 году онъ, въ перепискѣ съ Дамилявил-

1) Такъ онъ поступилъ даже съ величественнымъ псалмомъ: «Да воскреснетъ Богъ»...

2) См. нѣпр. *Oeuvres* t. XII, p. 319, 477, 495 и др.

лемъ, съ которымъ особенно любилъ дѣлиться своими планами въ борьбѣ противъ христіанства, Вольтеръ между прочимъ начиналъ уже повидимому сомнѣваться въ успѣшности своей борьбы и спрашивалъ его: „Неужели мнѣ придется умереть, не увидѣвъ послѣднихъ ударовъ, нанесенныхъ этой отвратительной гидрѣ, все отравляющей и все убивающей?“ Но окружающіе его поддерживали въ немъ дикую увѣренность и Вольтеръ былъ очень радъ, когда одинъ изъ его фернейскихъ единомышленниковъ, видя за ужиномъ у него цѣлую дюжину вольномыслящихъ философовъ, воскликнулъ: „Господа, мнѣ думается, Христу не поздоровится отъ этой компаніи!“ , чѣмъ привелъ Вольтера въ неописанный восторгъ, которымъ онъ не преминулъ подѣлиться съ Д'Аламберомъ ¹⁾. Этотъ случай усилилъ его самоувѣренность, которая возростала все болѣе и болѣе, и онъ серьезно пришелъ къ убѣжденію, что онъ въ состояніи будетъ уничтожить христіанскую религію. „Мнѣ наскучило, говорилъ онъ, слышать постоянно отъ христіанъ, что для основанія ихъ религіи нужно было не менѣе двѣнадцати человѣкъ; я докажу имъ, что для разрушенія ея достаточно одного“. „Герклотъ сказалъ однажды одному изъ своихъ братьевъ, писалъ Вольтеръ Д'Аламберу: *ты не разрушишь христіанской религіи!*—А это еще увидимъ, сказалъ другой“. Этотъ другой былъ самъ Вольтеръ. Но Герклотъ былъ правъ. Еще въ 1758 году французскій богохульникъ писалъ Д'Аламберу: *Dans vingt ans Dieu aura beau jeu* ²⁾. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ произнесенія этой богохульственной фразы Вольтеръ умеръ, а христіанство продолжало жить попрежнему, притомъ распространяясь все болѣе и болѣе. 15 мая 1778 года этотъ глава невѣровъ своего времени умиралъ въ ярости и отчаяніи, повторяя: „Я оставленъ и Богомъ и людьми“. Въ своемъ предсмертномъ изступленіи онъ то призывалъ, то хулилъ Бога, и то плачевнымъ голосомъ, то съ приступомъ ужасныхъ угрызений совѣсти, а чаще всего съ приступами безсильной ярости восклицалъ: „Иисусъ Христосъ! Иисусъ Христосъ!“ Любопытно сопоставить съ этимъ дерзкимъ и нахальнымъ богохульствомъ по отношенію къ самому Божеству то низкопоклонство, съ которымъ Вольтеръ относился къ великимъ міра сего. Въ отношеніи къ нимъ онъ доходилъ до невѣроятнаго ласкательства, гнуснаго по

¹⁾ Oeuvres, t. X, 617.

²⁾ Oeuvres t. X, 549, письмо къ Д'Аламберу отъ 25 февр. 1758 года.

своей лицемѣрности. Если онъ съ низкимъ подобострастіемъ относился уже къ прусскому королю Фридриху II, то послѣ разлада съ нимъ, почуявъ возможность найти себѣ убѣжище у великой царицы Сѣверной Пальмиры, у импер. Екатерины II, онъ въ перепискѣ съ нею переступалъ всѣ границы униженнаго ласкательства и пресмыкательства. Онъ писалъ императрицѣ, что она выше Солона и Ликурга, выше Петра I и Людовика XIV, Ганнибала; „она благодѣтельница человѣческаго рода“. Гдѣ она, тамъ рай и жить подъ ея законами— блаженство; она— „святая“, она— „ангелъ“, передъ которымъ людямъ надо молчать благоговѣнно. Наконецъ, не считая и этого достаточнымъ, Вольтеръ говоритъ, что она выше всѣхъ святыхъ, она равна Богородицѣ, „она пресвятая владычица снѣговая“; *Te Catharinam laudamus, Te dominam confitemur*,— въ богохульственномъ восторгѣ пародировалъ онъ церковную пѣснь: „Тебе Бога хвалимъ“. Въ заключеніе всѣхъ этихъ восторговъ Вольтеръ выражаетъ наконецъ удивленіе, какъ такая владычица снисходитъ до переписки съ такимъ ничтожествомъ какъ онъ, съ этой „старой тварью“ и „старымъ вралемъ“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ эпитетѣ быть можетъ выразилось наиболѣе полное изъ всѣхъ опредѣленій, какія только когда-либо Вольтеръ дѣлалъ о себѣ самомъ.

Посмотримъ же теперь, какъ и какимъ оружіемъ этотъ „старый враль“ опровергалъ св. Писаніе и христіанство.

Было бы трудно предполагать послѣ всего изложеннаго, съ достаточностью характеризующаго личность главы невѣрія въ XVIII столѣтіи, чтобы онъ вель дѣло борьбы съ ненавистнымъ ему христіанствомъ на какихъ-нибудь серьезныхъ началахъ. подвергалъ бы св. Писаніе серьезной, научно обоснованной критикѣ, какъ это дѣлаютъ представители новѣйшаго, особенно нѣмецкаго рационализма. Такой трудъ, требующій громаднаго напряженія и всесторонняго изученія, былъ не въ его духѣ, и потому онъ ограничился болѣе легкимъ дѣломъ— остроумнаго издѣвательства, думающаго блестящими своего по большей части грязнаго острословія и шу-

¹⁾ См. статью А. Веселовскаго «Вольтеръ» въ «Энциклопед. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. VII, стр. 158. Какъ-то странно звучать въ этой биографіи такіе громкіе титулы, какъ «великій», «знаменитый» писатель, щедро расточаемые ему его русскимъ биографомъ, рядомъ съ собственными самоопредѣленіями Вольтера— «старая тварь», «старый враль»... «Безграничная лесть» очевидно была не исключительнымъ достоинствомъ одного Вольтера...

товства прикрыть убожество своего научнаго знанія. Вольтеръ въ дѣйствительности былъ кощунственнымъ пародеромъ Библии. Онъ не подвергаетъ ее болѣе или менѣе серьезному научному анализу и обсужденію, а просто пародируетъ ее, всячески издѣвается надъ нею, не пренебрегая при этомъ и всевозможными преувеличеніями, вымыслами и просто искаженіями и подтасовками. Это весьма легкій способъ критики, и такъ какъ Вольтеръ безспорно обладалъ рѣдкою способностью къ каррикатурѣ, то онъ умѣлъ дѣлать смѣшнымъ даже прекраснѣйшее изъ произведеній. Обладая этою злополучною способностью — осмѣивать все и всѣхъ, онъ, къ тому же будучи невѣромъ до мозга костей, даже въ священнѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ предметахъ не видѣлъ ничего, кромѣ смѣшного и каррикатурнаго. Всякій предметъ въ его воображеніи видоизмѣняется и преобразуется, и подъ его перомъ принимаетъ безобразныя и смѣшныя формы. Одной фигурѣ онъ придаетъ морщины и заставляетъ ее дѣлать смѣшныя гримасы, другую ставитъ въ какое нибудь неестественное положеніе, и отъ этого праведникъ у него превращается въ какого-нибудь шута или паяца. Съ изумительною легкостью онъ искажаетъ слово Божіе, хотя часто, повидимому, даже не касаясь его. Тутъ онъ преувеличить, тамъ нѣсколько растянетъ и расширитъ евангельскую притчу, и въ обоихъ случаяхъ, при помощи своего острословія, привнесетъ такія черты, которыя дѣлаютъ изъ священнаго нѣчто смѣшное. Что дѣлается подъ его перомъ даже изъ притчи о талантахъ? Простая рекомендація усердію заниматься „ростовщичествомъ“¹⁾. Болѣзнь Навуходносора, воображавшаго себя превратившимся въ вола, онъ называетъ библейской метаморфозой, намекая этимъ на сказочныя метаморфозы Овидія²⁾. Съ тою же цѣлію онъ хочетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ сказанныя І. Христомъ слова о томъ, что кто хочетъ слѣдовать за Нимъ, долженъ „возненавидѣть своего отца и свою мать“, не только не вникая во внутренній глубокой смыслъ этого изреченія, но даже и не принимая во вниманіе особенности выраженій въ языкахъ востока³⁾. Ни-

¹⁾ «Тутъ Онъ (І. Христосъ) говоритъ лишь о томъ, что въ темницу были брошены тѣ рабы, которые не увеличили денегъ своего господана посредствомъ *ростовщичества*». Dieu et les hommes, Oeuvres, t. VI, p. 250.

²⁾ Oeuvres, t. III, p. 122; V, 144—5; VI, 347 и сл.

³⁾ «Онъ (І. Христосъ) объявилъ, что должно ненавидѣть своего отца и свою мать», Oeuvres, VI, p. 250.

кто еще ни раньше ни послѣ его не доводилъ злоупотребленія такимъ поверхностнымъ методомъ объясненія до столь чудовищныхъ размѣровъ. Совершенно такъ же онъ относится и къ самымъ фактамъ. Онъ преувеличиваетъ ихъ размѣры. Соломону, напр., онъ приписываетъ „сорокъ тысячъ конюшень и столько же каретниковъ“¹⁾, а пространство земного рая опредѣляетъ въ 1,800 льѣ, и все это для того, чтобы дать мѣсто своему игривому остро словію, что-де это „немножко много (конюшень и каретниковъ) для іудейскаго мѣлка — царька, никогда не ведшаго войнъ“, или что-де „Адаму съ Евой трудненько было обработать какъ слѣдуетъ столь большой садъ“²⁾. Прибавляя такимъ образомъ какую нибудь измышленную черту или подробность, онъ старается сдѣлать весь рассказъ неправдоподобнымъ и совершенно измѣняетъ весь характеръ извѣстной личности или факта. При этомъ онъ никогда не отступаетъ ни предъ какой фальсификаціей, ни предъ какой ложью, ни предъ какой клеветой, только чтобы достигнуть своей цѣли. Въ борьбѣ противъ Библии все ему кажется позволительнымъ, и онъ даже находилъ для этого основанія. „Ложь, писалъ онъ къ нѣкоей Тьерью, тогда только есть порокъ, когда она причиняетъ зло, но она есть великая добродѣтель, когда совершаетъ добро. Будьте же болѣе добродѣтельны. Нужно лгать на подобіе дьявола, не боязливо и не по временамъ только, но смѣло и всегда... Лгите, друзья мои, лгите; я васъ поблагодарю при случаѣ“³⁾.

То, что онъ совѣтовалъ другимъ, въ широкихъ размѣрахъ практиковалъ и самъ, и особенно въ своихъ нападеніяхъ на Библию. Характеристическимъ примѣромъ этого можетъ служить то, какъ онъ совершенно сознательно и преднамѣренно исказилъ одно мѣсто изъ пророка Іезекіиля. „Іезекіиль, говоритъ онъ, обѣщаетъ іудеямъ, съ цѣлію под-

¹⁾ Dictionaire philosophique, art. Juifs, Oeuvres VII, 756.

²⁾ Oeuvres, t. VI, p. 337 и t. VII, p. 207. Въ Dictionaire philosophique въ статьѣ Salomon это мѣсто уже нѣсколько измѣнено.

³⁾ Oeuvres t. XI, p. 218. Дѣло идетъ о томъ, чтобы при посредствѣ ихъ скрыть, что авторъ трагедіи «Блудный Сынъ» есть Вольтеръ. Защитники и поклонники Вольтера старались смягчить смыслъ этого циническаго письма, ссылаясь на то, что ложь въ данномъ случаѣ была вынужденная и не возводится въ принципъ. Но это опровергается самымъ письмомъ, гдѣ именно она возводится въ принципъ, какъ своего рода добродѣтель, хотя и съ чисто іезуитской оговоркой—по принципу: «цѣль оправдываетъ средства...»

держатъ въ нихъ смѣлость, что они будутъ ѣсть мясо человѣческое“¹⁾). Обвинять іудеевъ въ каннибализмъ значить возводить на нихъ весьма тяжкое обвиненіе. Но на чемъ же оно основано? Это Вольтеръ объясняетъ въ своихъ „Прибавленіяхъ къ исторіи“: „Пророкъ Іезекіиль обѣщаетъ евреямъ, отъ лица Бога, что если они будутъ стойко защищаться противъ царя персидскаго, то будутъ ѣсть мясо кониное и мясо всадниковъ“. Въ „Философскомъ словарѣ“ онъ вновь повторяетъ и утверждаетъ это положеніе: „По всему видно, что іудеи времени Іезекіиля имѣли обыкновеніе ѣсть человѣческое мясо, такъ какъ онъ предсказываетъ имъ въ XXXIX главѣ, что если они будутъ хорошо защищаться противъ персидскаго царя, то будутъ ѣсть не только лошадей, но и всадниковъ и другихъ воиновъ. Это положительно“²⁾). И такъ—„это положительно!“ Такъ будто бы читается въ XXXIX главѣ пророка Іезекіиля! Но сдѣлаемъ подлинную справку и посмотримъ, что же именно говорится у пророка. Въ указанномъ мѣстѣ читается слѣдующее: „Сынъ человѣческій! скажи всякаго рода птицамъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ: собирайтесь, и идите... и будете ѣсть мясо и пить кровь. Мясо мужей сильныхъ будете ѣсть, и будете пить кровь князей земли.—И насытитесь за столомъ Моимъ конями и всадниками, мужами сильными и всякими людьми военными“³⁾). Гдѣ же іудеи въ этомъ мѣстѣ? О нихъ тутъ ни слова. Рѣчь идетъ только о хищныхъ птицахъ и звѣряхъ, по инстинкту собирающихся на поля, покрытыя трупами убитыхъ коней и воиновъ, чтобы пожирать эту ужасную добычу. А между тѣмъ Вольтеръ подставилъ вмѣсто этихъ естественныхъ хищниковъ—іудеевъ, и отсюда у него вышло, что іудеи были людодѣдами, и это нелѣпое положеніе даже съ нахальствомъ подтверждается восклицаніемъ: „это положительно!“ Въ виду такой грубой и очевидной нелѣпости, можно бы пожалуй подумать, что тутъ произошла у него просто ошибка, недосмотръ,

¹⁾ См. у Guénée, *Lettres de quelques juifs*. 1827, t. II, p. 231. Впослѣдствіи, вѣроятно самъ устыдившись этой лжи, онъ видоизмѣнилъ это мѣсто и въ *Dictionnaire philos.* прибавилъ оговорку: «по нѣкоторымъ комментаторамъ». См. *Anthropophages*, t. VII, p. 118.

²⁾ См. статью *Anthropophages*, старой редакціи. *Oeuvres* t. V, p. 118, въ примѣч. Впослѣдствіи Вольтеръ уже не осмѣливался утверждать, что «это положительно»!

³⁾ *Иезек.* XXXIX гл. 17—20.

который и далъ поводъ автору сдѣлать свои нелѣпые выводы. Но въ дѣйствительности не такъ. Текстъ прор. Іезекіиля такъ простъ и ясенъ, что никоимъ образомъ нельзя было ошибиться въ его смыслѣ, даже при бѣгломъ чтеніи. Что не ошибся и самъ Вольтеръ, это можно видѣть изъ того, что онъ старался оправдать свое толкованіе разными доводами, напоминающими собою простыя увертки. Такъ подъ именемъ клирика Клокпикра Вольтеръ по поводу приведеннаго мѣста говорить: „Такъ какъ здѣсь говорится о *столѣ*, то эти стихи должны относиться къ іудеямъ, потому что плодоядныя животныя не ѣдятъ со стола“¹⁾. Чтобы правильно понять это выраженіе, Вольтеру достаточно было бы припомнить извѣстное евангельское выраженіе, что и псы ѣдятъ крохи со стола господъ своихъ. Но и помимо этого, въ текстѣ у пророка Іезекіиля говорится о столѣ Божіемъ, а вовсе не о столѣ дивихъ звѣрей. Все это до очевидности ясно, а между тѣмъ Вольтеръ, злоупотребляя этимъ метафорическимъ выраженіемъ, прямо и дерзко утверждаетъ, что іудеи были антропофаги и питались человѣческимъ мясомъ²⁾! Болѣе дерзкаго своеволія въ обращеніи съ священнымъ текстомъ и придумать трудно.

Но Вольтеръ не смущается этимъ и идетъ дальше, не останавливаясь ни предъ какимъ кощунствомъ, чтобы только набросить тѣнь на святыню и подвергнуть ее осмѣянію легкомысленной толпы. Намъ можно бы вполне обойти эти кощунства презрительнымъ молчаніемъ, какого только они и заслуживаютъ; но для характеристики Вольтера позволимъ себѣ привести еще одинъ примѣръ его отношенія къ св. Писанію, и именно опять къ книгѣ пророка Іезекіиля, надъ которою онъ особенно издѣвался, не пренебрегая никакими искаженіями и передержками. Чтобы понять сущность дѣла, нужно имѣть въ виду, что еврейскій языкъ, какъ и всѣ восточные языки вообще, называетъ всѣ предметы собствен-

¹⁾ У Guénée, *Lettres de quelques Juifs* t. II, p. 236, прим. Ср. *Dictionnaire philosophique*. art. «Antropophages», t. V, p. 118, прим.; *Lettre de M. Clopcicre à M. Egatou*, t. IX, p. 222. Vigouroux, p. 241.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ, Вольтеръ стараясь извернуться въ своей лжи, говорить, что «если нѣкоторые толкователи прилагаютъ эти стихи къ плотояднымъ животнымъ, то другіе относятъ ихъ къ іудеямъ». Тамъ же t. II, стр. 238; *Dict. Philos.* t. V, p. 118. Но это оказывается опять ложью. Никогда никакой толкователь Библии не высказывалъ подобной нелѣпости!

нымъ именемъ, не прибѣгая ни къ какимъ перифразамъ или смягченіямъ; онъ выражается чисто съ дѣтскою прямою и откровенностію, безъ всякаго злого умысла и не приписывая терминамъ, которые показались бы намъ слишкомъ рѣзкими, никакого зазорнаго или безнравственнаго смысла. Новѣйшіе языки, облагороженные христіанствомъ, въ этомъ отношеніи гораздо сдержаннѣе и деликатнѣе. Глава французскаго невѣрія понималъ это и въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ объ этомъ ¹⁾). Отсюда само собою вытекаетъ правило, что при переводѣ древнихъ авторовъ нельзя держаться буквализма, потому что буквальный переводъ, передавая слова во всей ихъ наготѣ, въ сущности не передаетъ того ихъ смысла, въ которомъ они воспринимались древнимъ обществомъ и потому способенъ дать самое превратное представленіе какъ о литературномъ вкусѣ самихъ писателей, такъ и о нравственномъ состояніи общества. Вольтеръ, вполнѣ сознавая это, не только не держится такого правила, а напротивъ старается даже усилить непозволительный буквализмъ, чтобы выставить священный текстъ съ его самой невыгодной, вульгарной стороны, и сдѣлать его предметомъ кощунственнаго издѣвательства. Переводя извѣстное мѣсто Библии, онъ не только не сообразуется съ теперешнимъ смысломъ словъ, а даже усиливаетъ ихъ и подбираетъ самыя грубыя выраженія; не довольствуясь и этимъ, онъ по своему перефразируетъ извѣстное изреченіе, расширяетъ его и привноситъ въ текстъ много такихъ деталей, которыя составляютъ лишь плодъ его извращеннаго воображенія, и удовлетворяется только тогда, когда ему удастся, по его мнѣнію, вполнѣ затоптать въ грязь трактуемое мѣсто св. Писанія. Такъ онъ поступилъ съ однимъ мѣстомъ изъ пророка Іезекииля, гдѣ говорится о такомъ предметѣ, который даже и теперь при трезвомъ взглядѣ не представляетъ ничего страннаго, а въ древнее время для іудеевъ и окружающихъ ихъ народовъ востока былъ самымъ зауряднымъ явленіемъ въ ихъ неизысканной обыденной жизни. На востокѣ, какъ извѣстно, весьма распространены обычаи, за неимѣніемъ дровъ, пользоваться для топки сухимъ навозомъ воловъ и верблюдовъ ²⁾). Этотъ обычай, наложенный необхо-

¹⁾ Dict. Philos. art. Ezéchiel, t. VII, p. 553—4.

²⁾ Этотъ обычай распространенъ и у насъ на юговостокѣ, въ безлѣсныхъ степяхъ, гдѣ населеніе само дѣлаетъ себѣ топливо изъ навоза, извѣстное подѣ

димостью, сдѣлалъ самый матеріалъ настолько обыденнымъ, что онъ не представляетъ ничего неприличнаго въ глазахъ жителей. Еще и теперь арабы на берегахъ Евфрата, въ той именно странѣ, гдѣ пророчествовалъ Іезекіиль, не имѣютъ другого топлива, и на немъ они готовятъ свои неизысканныя блюда. Взявъ массу тѣста, арабъ обкладываетъ его указаннымъ топливомъ, зажигаетъ послѣднее, и чрезъ нѣсколько времени хлѣбъ вынимается готовымъ. Пользуясь этимъ, понятнымъ всякому мѣстному жителю, нагляднымъ образомъ, Богъ для выраженія той крайней бѣдственности, до которой доведенъ будетъ еврейскій народъ, говоритъ, что будетъ ощущаться недостатокъ даже въ самомъ навозѣ домашнихъ животныхъ для изготовленія хлѣба, и потому евреямъ придется прибѣгнуть къ навозу изъ экскрементовъ человѣческихъ. „И ѣшь, говорилъ Господь пророку Іезекіилю въ видѣніи, ячменныя лепешки и пеки ихъ на человѣческомъ калѣ“. Пророкъ смутился отъ такого повелѣнія и съ іудейскою брезгливостью отвѣчалъ, что „душа его никогда не осквернялась“ такимъ нечистымъ хлѣбомъ. Тогда Господь сказалъ ему: „Вотъ, Я дозволяю тебѣ, вмѣсто человѣческаго кала, коровій пометъ, и на немъ приготавливай хлѣбъ твой“ ¹⁾. Смыслъ этого видѣнія былъ весьма ясенъ для іудеевъ, которые, живя въ плѣну вавилонскомъ на берегахъ Евфрата, постоянно видѣли, какъ другіе употребляли, да и сами привыкли употреблять указанное топливо, которое поэтому и не возбуждало у нихъ ни малѣйшаго смущенія, какъ самая обыденная вещь. Что же изъ всего этого сдѣлалъ „старый враль“? Да то, что и передать невозможно. Нисколько не принимая во вниманіе указанныхъ бытовыхъ условій, а также прямолинейности восточныхъ словооборотовъ, Вольтеръ съ какимъ-то наслажденіемъ хватается за извѣстный терминъ, написанный у него съ вульгарною развязностью *en toutes lettres* и, играя словами и образами, заканчиваетъ свое дерзко-кощунственное разсужденіе насмѣшливой фразой, что „кто любитъ читать пророчества Іезекіиля, тотъ заслуживаетъ того, чтобы позавтракать съ нимъ“ ²⁾. Кощунство грубое и преступное, и оно не оста-

названіемъ «квизиковъ». Напр. въ астрах. и южной части саратовской губерніи мы сами видѣли эти запасы своеобразнаго топлива, правильными пирамидками сложеннаго у cadaго села или деревни—на солнечножъ припекѣ.

¹⁾ Іезек IV, 12, 15.

²⁾ Diction. philosoph., ст. Ezechiel, ков. t. VII, стр. 555.

лось не наказаннымъ. По свидѣтельству врача, присутствовавшего при послѣднемъ издыханіи Вольтера ¹⁾, старый невѣръ, въ своемъ изступленіи отъ терзавшихъ его и физическихъ и нравственныхъ мученій, какъ разъ приготовилъ себѣ тотъ „завтракъ“, который онъ кощунственно приписывалъ про-року ²⁾.

А. Митяевъ.

---

¹⁾ См. рассказъ его врача Троншена у *Elic Hard*, Voltaire etc. Paris 1817. стр. 123 (1-е изданіе явилось въ 1781 г.).

²⁾ Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки